

О методологическом потенциале концепта технологического уклада

Статья рекомендована О.Н. Вершинской 27.09.2016.

ЛУКИНА Нелли Петровна
Доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

САМОХИНА
Наталья Николаевна
Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и туризма Нижневартковского государственного университета

Аннотация

В статье рассмотрены особенности технологического уклада информационного общества и его понимание в рамках современного социально-философского дискурса. Предпринята попытка использовать методологическую процедуру анализа специфики информационного общества с опорой на концепт технологического уклада с целью подтвердить суть концептуализации как непрерывного процесса уточнения понимания исследуемого объекта.

Ключевые слова:

информационное общество, критическая социальная теория, технологический уклад, информация, социокультурные и антропологические проекции технологического уклада.

Высокие технологии информационного общества инициировали создание новой социальной реальности, отличной по своим онтологическим характеристикам от предшествующих исторических типов [14]. Новая цивилизация трансформировала духовный опыт, метафизику, политические, научные, художественные практики, идеологические ориентации. Эти изменения требуют пристального внимания и критической философской рефлексии сквозь призму мировоззренческих, социокультурных, аксиологических измерений. Философский анализ призван ответить на следующие вопросы: в каком направлении и с какой целью развивается нынешняя общественная ситуация, какова онтологическая и аксиологическая направленность этого развития, как совершенствование технологий влияет на преобразование социальных процессов? Другой не менее важной целью является потребность артикулировать недостаточность технократических подходов к пониманию специфики информационного общества [13].

В настоящее время идет активный поиск концептуального статуса теории информационного общества и, по мнению Дж. Бенеджера, уже существует около 70 ее версий и концепций [9], а по мнению Ч. Зинса, — около ста тридцати [16]. После исследовательского бума 60–80-х годов прошлого века эта теория постепенно отходит на периферию социально-философских и социологических интересов. Она все чаще подвергается критике за слабую

концептуальную базу. Соответственно, формируется внушительный спектр номинаций современного общества, идущих на смену информационализму: креативное общество, общество знания, общество-не-знания.

В данном контексте очевидные перспективы теории информационного общества — либо уйти в архив, либо раствориться в одной из предлагаемых версий современной социальной реальности, либо укреплять собственный концептуальный каркас, осуществляя тщательную категориальную аналитику. Исходя из предпочтительности последней перспективы, в статье предпринята попытка прояснить теоретический и методологический потенциал концепта технологического уклада, позволяющий сформулировать сущностные характеристики информационного общества, тем самым повысив познавательные возможности его теоретического обоснования.

Концепт технологического уклада широко используется в современных отечественных и зарубежных социально-философских исследованиях (С. Лэш, О. Тоффлер, К. Фримен, Т. Шанин, С. Глазьев и др.). В настоящей статье акцент делается на выявление социокультурных и антропологических составляющих технологического уклада информационного общества, определяющих его особенности. В достижении поставленной цели методологически плодотворной представляется точка зрения М. Вебера относительно того, что наибольшую ценность в социотехнических системах имеет не типовое, а конкретное и индивидуальное, исследование которого обеспечивает объективность социально-научного знания [2, с. 412, 413].

Понятие технологического уклада зарождается в рамках западной экономической науки. Соответствующая теория вписывается в эволюционную парадигму развития экономики, к разработке которой причастны такие исследователи, как К. Фримен, Р. Нельсон, С. Винтер. Основоположники эволюционной экономики используют идею естественного отбора, который формирует определенный организационный генотип развития экономики как перехода от одного технологического уклада к другому [10, 11, 15]. Отличительной чертой этой парадигмы является эволюционный подход к исследованию экономического развития в системе опосредующих технологических, производственных, торговых, социальных взаимосвязей и взаимозависимостей, предполагающий проникновение в их внутреннюю логику, ритм и механизмы движущих факторов. Эволюционная парадигма творчески проинтерпретирована российским экономистом С. Ю. Глазьевым, отстаивающим идею социального развития как перехода от одного технологического уклада к другому через предпосылки.

В современной философии и социологии тенденция понимания развития через предпосылки зафиксирована Д. Беллом, О. Тоффлером. Последний использует понятие цивилизационного уклада, который возникает как результат технических мутаций, оказывающих революционное воздействие на социальный мир, качественно реформируя сферу труда, коммуникации, управления, досуга. Технологические изменения вызревают медленно, эволюционно, в терминологии О. Тоффлера, волнами, сопровождаясь при этом радикальными трансформациями социальных форм. Технологические сдвиги инновационного уровня порождают революционные предпосылки, «высвобождающие наш интеллект и волю». Тоффлер подчеркивает, что для информационного общества (третьей волны) характерны «сильнейшие перемены, которые мы сейчас переживаем...

и которые... не хаотичны и случайны; на самом деле они имеют четкую, хорошо различимую структуру... Предполагается, что эти перемены имеют кумулятивный характер, т.е. они суммируются с некоей гигантской трансформацией в соответствии с тем, как мы живем, трудимся, развлекаемся и мыслим» [5, 37].

С. Ю. Глазьев в своей трактовке социально-экономического развития опирается на разработки современной теории познания, представленной отечественным методологом В. С. Степиным, которому принадлежит авторство постнеклассической научно-практической парадигмы, пришедшей на смену классической и неоклассической версии понимания познавательной деятельности [4]. Экстраполяция этой парадигмы на видение конкретных экономических процессов в рамках нового стандарта экономических знаний позволяет рассматривать технологический уклад с привлечением обширных сведений по эволюционной, институциональной, поведенческой экономике с учетом социальных, психологических, экологических факторов, полагает Глазьев.

С точки зрения Глазьева, технологический уклад — это группы технологических совокупностей, связанных друг с другом однотипными технологическими цепями и образующих воспроизводящиеся целостности [4, 91]. Каждый технологический уклад обладает сложной структурой. Комплекс базисных совокупностей технологически сопряженных производств формирует ядро технологического уклада. Технологические нововведения, определяющие это ядро и революционизирующие технологическую структуру экономики, являются ключевым фактором. Отрасли, использующие ключевой фактор и распространяющие новый технологический уклад, называются несущими отраслями, или устойчивыми кластерами производства нового уклада [4, с. 92, 93].

В концепции Глазьева значительное внимание уделяется социальной инфраструктуре технологического уклада: образованию, медицине, науке, культуре, средствам массовой информации, системе обеспечения правопорядка. Речь идет о встроенной в технологический уклад системе защиты воспроизводства человеческого капитала, самореализации человека через приведение в соответствие с его потребностями характера образования и подготовки кадров, формирования культурно-информационной среды, благоприятствующей переходу на инновационный путь развития, к экономике знания. Указанная система предполагает замену развлекательной модели средств массовой информации на информационно-просветительскую, расширение творческой составляющей школьных программ и гуманитаризацию программ высшего образования.

Позиция британского философа С. Лэша представляет интерес в контексте сформулированной здесь проблемы, поскольку он пытается вернуть понятию информационного общества содержательный статус, опираясь на критический анализ технологического уклада данного типа социальной реальности. Критическая интенция этой позиции содержится в тезисе, согласно которому в результате становления информационного общества возникает новый технологический уклад жизни, затрагивающий развитие человека, его поведение, ценности и смыслы человеческого бытия. Критическое осмысление формирующегося технологизированного порядка представляется Лэшу важной задачей современного социально-гуманитарного знания.

Особенности технологического уклада информационного общества невозможно эксплицировать, не ответив на вопрос о том, является ли это общество

качественно новой моделью социальной системы или оно демонстрирует преемственность с индустриализмом и постиндустриализмом со всеми вытекающими отсюда характеристиками и противоречиями. Мы придерживаемся второй точки зрения, артикулированной известными социальными теоретиками Г. Бехманном и Т. Шаниным. Бехманн отмечает, что «информационное общество уместно рассматривать как информатизированное индустриальное общество, живущее по законам рыночной экономики» [1, с. 115]. А профессор Манчестерского университета Т. Шанин утверждает: «Эмпирической основой эпистемологии современных обществ является индустриализация с ее бесконечным удовлетворением все возрастающих потребностей при помощи увеличивающихся богатств, улучшения технологий, силы науки, всеобщего образования, индивидуальных свобод» [8, с. 111].

Соответственно, информационное общество имеет преимущество перед индустриальным лишь в том, что использует новые возможности интеракции, подкрепленные информационно-коммуникационными технологиями. Идеология информационного общества формируется в направлении поступательного движения человечества в рамках индустриального вектора, его фундаментальных мировоззренческих установок на прогресс, стандартизацию, унификацию, универсализацию. В целом теории информационного общества отражают технологический оптимизм, трансцендентность научно-технического прогресса по отношению к социуму, позитивное отношение к информационно-коммуникационным технологиям как определяющему фактору социальных преобразований.

Необходимо отметить наличие альтернативы технологическому мейнстриму индустриализма как сквозного уклада западного общества, сформулированной Т. Шаниным, который отстаивает концепцию эксплоярной экономики как «второй, неформальной экономики», выпадающей из индустриальных схем. «Эксплоярные типы экономической деятельности укоренены или растворены в широком контексте человеческого взаимодействия... поэтому они более социальны, то есть определены нормами первичных сообществ и индивидуализированных выборов со стороны семей или индивидуальных участников» [8, с. 109–111]. Глубокая социальная укорененность подобных укладов, их жизнеспособность, по мнению Т. Шанина, должны стать предметом аналитического и идеологического откровения, поскольку им присуща гибкость в реагировании на спрос, передача опыта через социализацию детей в семейном бизнесе, а не бюрократический и юридический характер организации [8, с. 111, 115]. Возникает вопрос, какие идеологические и социокультурные смыслы заложены в понятии технологического уклада, если мы придерживаемся концепции индустриального вектора развития современного общества.

В обозначенном исследовательском тренде концепт технологического уклада не выходит за рамки своих технико-технологических характеристик, обеспечивающих развитие в условиях перехода от фордистско-кейнсианской модели массового производства, поддерживаемого государством (1940–1980 гг.), к модели постфордистской без указания ее особенностей [1, с. 117]. Другими словами, уклад содержит установку на всемогущество новых технологий и демонстрирует приверженность к мифологической риторике разрыва, согласно которой новые технологии кардинально меняют мир, не оставляя места прежней модели.

Концептуализация технологического уклада в теориях С.Ю. Глазьева, О. Тоффлера и С. Лэша с разных позиций раскрывает его методологический потенциал, выходя за пределы его технико-технологических параметров.

Глазьев выделяет пять технологических укладов, начиная отсчет от промышленной революции XVIII в., и формирующийся в настоящее время шестой уклад. Пятый технологический уклад соответствует экономике информационного общества, его временные границы обозначены 1970–2010-ми годами. Технологический уклад информационного общества представлен микроэлектроникой, программным обеспечением, робототехникой, новыми материалами.

Шестой технологический уклад (2010–2050-е годы) в основном представлен биотехнологиями, нанотехнологиями, системами искусственного интеллекта, глобальными информационными сетями, интегрированными высокоскоростными транспортными системами. Здесь актуализируется тема инноваций в значении, которое им приписывается экономической традицией, то есть трансформации научных изобретений в нововведения, позволяющие производить новые товары и получать дополнительные доходы. Выявление изобретений, способных стать инновациями, объединяет в социальном пространстве технологического уклада два типа специалистов и две логики — научную и экономическую. Для данного периода развития экономики в целом характерна интеллектуализация производства, а в социальном плане прогнозируется переход от общества потребления к «обществу творческого потребления», «интеллектуальному обществу», «обществу развития» [3, с. 98].

Для С. Лэша важно указать принцип, вокруг которого организовано информационное общество, а не то, за какой социальной формой оно следует [12, с. 1]. Исходя из данной установки, автор осуществляет категориальную аналитику не понятий постмодернити или поздней модернити, с которыми принято отождествлять уклад информационного общества и которые он признает аморфными, а оперирует термином «информация», возрождая его методологический потенциал, что позволяет понять определенный тип социальной организации. Информация оказывается своеобразной точкой сбора технологического уклада информационного общества и одновременно категорией, составляющей ядро его теоретического анализа. Однако если в классических концепциях информационного общества (Ф. Махлуп, Д. Белл, Й. Масуда) понятие информации характеризует преимущественно технико-технологические параметры социума, то Лэш показывает, как информация трансформирует современное общество на всех уровнях его структурной организации. Самодостаточность информации утверждается самим фактом ее существования, а не тем, в создании каких материальных благ она находит воплощение. В сфере производства конвейерной форме фабрикации объектов противостоит информационная логика создания новых продуктов, основанных на знании, как сконструированных артефактов. В политике приватность национального государства упраздняется под напором глобализационных меж- и наднациональных институций, опирающихся на безграничные возможности новых информационно-коммуникационных технологий. Область социальных изменений связана с замещением социальных норм лабильными культурными ценностями, в то время как общество постепенно приобретает черты сообщества. Отмеченные тенденции дают автору основания для вывода о том, что информационное общество характеризуется

нарастающей неопределенностью и иррациональностью. Лэш пользуется понятием дезинформированного общества, понимание которого возможно в рамках «теории непредвиденных последствий» [12, с. 2].

Парадоксальным в концепции С. Лэша представляется стремление соединить анархистские, индивидуалистические, субъективистские тенденции информационного общества с комплексными, структурирующими и организующими интенциями его технологического уклада. Однако данное противоречие вполне разрешимо, если, вооружившись логикой автора, рассматривать технологический уклад как внутренне запрограммированный на качества индивидуализма и субъективности, реализация которых в социальном бытии невозможна без технологического сопровождения. Лэш настаивает на том, что социальность, формирующаяся в условиях дистанционной культуры, то есть способа бытия-на-расстоянии, невозможна без технологических дополнений [12, с. 15]. Информационная культура не отражает внешних форм технологического уклада жизни, а вытекает из его внутренних особенностей, предполагающих слияние теории и практики в рамках социального устройства. Таким образом, информационное общество, становясь более субъективированным, в то же время не утрачивает, а усиливает свои технологические черты. «В информационном обществе средства производства уступают свое центральное место инструментам коммуникации, а производственные отношения — отношениям, возникающим в процессе общения» [12, с. 112]. Такая ситуация усиливает игровой характер технологической культуры, масштаб которого в информационном обществе не сопоставим с феноменом *homo ludens* Й. Хейзинги. Если в прежние эпохи игра противопоставлялась труду, то сегодня она поглощает всю социальную реальность. Новые формы культуры и распространения информации становятся не столько отражением реальности, сколько ее продолжением [12, с. 180].

Какие опасности содержит в себе технологический уклад информационного общества? По мнению С. Лэша, практика технологического мира способствует утрате человеком своего уникального места в реальности, он растворяется в универсуме объектов, а общество превращается в сообщество без центрального субъекта.

Концепция информационного общества как беспрецедентного (в понимании Лэша) должна сопрягаться не с его апологией, а с критикой, поскольку в нем имеет место смешение всех традиционных категорий и ценностей, что дезориентирует человека и подчиняет его действию не-человеческих сил и обстоятельств, в которых скрыта идеология технологического уклада.

Современная социальная теория в целом приобретает форму критической теории, наследуя традиции Франкфуртской школы, связанные с социальным критицизмом, который развернут в сторону анализа явного несоответствия технологической эпохи нормам разума и гуманизма. Главная опасность в рамках критического дискурса расценивается как рассогласование векторов технологического и гуманитарного развития информационного общества. Критика его технологических проекций является свидетельством сдвига традиционной социогуманитарной парадигмы в сторону исследования законов развития человека, фундаментальных ценностей и смыслов его жизни, основополагающих структур самоидентичности.

В этой связи необходимо отметить наличие алармистских интенций в работах современных философов, размышляющих о проблемах вторжения технологий в человеческую природу [7]. Так, Ю. Хабермас полагает, что прогресс в области новейших биомедицинских технологий и возросшая человеческая свобода манипулирования природными субстанциями нуждается в нормативном регулировании. Новая структура ответственности необходима вследствие стирания границ между людьми и вещами. А главный тезис, который формулирует Ф. Фукуяма, — это понятие человеческого достоинства как права на отстаивание своей уникальности в условиях технологических возможностей моделирования человеческой природы и создания новых тотальных форм социального контроля [6].

Завершая анализ, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, наметившиеся критические тенденции в исследовании технологического уклада информационного общества лежат в русле понимания того обстоятельства, что социальное развитие происходит не только благодаря техническим прорывам и инновациям — оно должно совпадать с органикой социокультурного процесса.

Во-вторых, особенность технологического уклада информационного общества заключается в том, что его технико-технологическая структура вторглась в природу человека, иницируя ее качественные изменения. В этой связи не случайным представляется совпадение во времени становления технологического уклада информационного общества и обсуждение темы постчеловеческого существования как важнейшей социокультурной проблемы.

В-третьих, попытка выявить специфику информационного общества с опорой на концепт технологического уклада подтверждает эффективность процедуры концептуализации как непрерывного процесса уточнения понимания исследуемого предмета, что становится возможным благодаря новым подходам в рамках культурной политики и гуманитарных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бехманн Г. Общество знания — краткий обзор теоретических поисков** // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 113–126.
2. **Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания** / Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
3. **Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса.** М.: Экономика, 2010.
4. **Степин В. С. Теоретическое знание.** М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. **Тоффлер Э. Третья волна:** Пер. с англ. М.: АСТ, 2002.
6. **Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution.** 2002.
7. **Хабермас Ю. Будущее человеческой природы.** М: Весь мир, 2002.
8. **Шанин Т. Формы хозяйства вне систем** // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
9. **Beniger J. The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society.** Harvard University Press, 2009.
10. **Freeman K. and Soete. L. The economics of industrial innovation.** London: Pinter, 1997.
11. **Freeman K., Louca F. As time goes by: From The Industrial Revolution to the Information Revolution.** 2002.
12. **Lash S. Critique of Information.** London; Thousand Oaks (Ca): Sage Publications, 2002.
13. **Lukina N. P., Samokhina N. N. From information society to knowledge society: analyzing western theories of social transition** #4–2013. P. 33–36.
14. **Amini M. T. Information Society, Virtual Communities, Globalization** // Life Science J. 2013; 10 (4S): 478–481. <http://www.lifesciencesite.com.73>
15. **Nelson R. R. Winter S G Evolutionary Theory of Economic Change.** Cambridge, 1982.
16. **Zins C. Conceptual Approaches for Defining Data, Information, and Knowledge** // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2007. № 58(4). P. 479–493.